

Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*)

Марина В. Пименова^a; Алексей Б. Бодриков^{b, @}

^a Институт иностранных языков, 191178, Россия, г. Санкт-Петербург, 12 линия В. О., 13

^b Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, 191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 22

@ 79261454613@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.03.2019. Принята к печати 18.09.2019.

Аннотация: Приведены результаты исследования когнитивных признаков концепта *воин*. Основной репрезентант исследуемого концепта стилистически окрашен. Лексема *воин* часто употребляется в высоком стиле. Воинство в русской культуре – особое сословие, призванное защищать народ и оберегать русские земли. Как показал анализ, исследуемый концепт отличается структурными особенностями. В структуру концепта *воин* входит 7 мотивирующих признаков: (боевой) клич, войско / рать, покорение, охота, желание / стремление, цель, целеустремленность. Из них только 4 признака, трансформируясь во времени, перешли в разряд понятийных: войско / рать → ратник / оборонитель / тот, кто воюет; желание / стремление + цель + целеустремленность → целеустремленный (человек). Вторая группа, входящая в структуру концепта, формируется 20 понятийными признаками: военный, освободитель, боец, (военно)служащий, солдат, (опытный) в военном деле, ратник / оборонитель / тот, кто воюет, герой, защитник, храбрец / смелый человек, победитель, оруженосец, мужественный / доблестный (человек), пример для подражания, ответственный (человек), целеустремленный (человек), отдающий долг стране, готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг, участник войны, патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу). Данные когнитивные признаки показывают широкий спектр функциональных проявлений современных представителей о воине. В особую группу включены образные стереотипные и гендерные признаки (в русской лингвокультуре *воин* в истории страны – это богатырь, мужчина). Стереотипы русской лингвокультуры связаны с боевым прошлым нашего народа, с его героическим эпосом (былинами, сказками, сказаниями). В структуру изучаемого концепта вошли отдельной группой 16 символических признаков, которые также относятся к истории русского народа, в которой было много войн и побед: боги и святые, (братские) могилы воинов, ветераны войны, вечный огонь, (воинские) ритуалы, (воинские) части, знамя (стяг), Георгий Победоносец, герб, города-герои, иконы, награды (ордена и медали, оружие), памятники (obelisks и колонны), песни и марши, поле, статус Город-герой, храм.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, когнитивные признаки концепта *воин*, ментальность

Для цитирования: Пименова М. В., Бодриков А. Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1131–1138. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138>

Введение

Язык и культура – взаимозависимые базовые социальные явления. Язык отображает культуру (материальную и духовную), язык есть проявление культуры народа. Чтобы изучить тот или иной аспект культуры, лингвисты обращаются к языку, апеллируя к языковой картине мира. Языковая картина мира – это сумма знаний об окружающем мире, запечатленная в форме языковых знаков. «Существование человека в языке предполагает трёхмерность связей: отношение человека к знаку-слову (мы его называли символом), его отношение к идее-смыслу и его отношение к вещи и миру. Полнота

восприятия предполагает все три источника в поступлении информации: и чувства, и разум, и волю» [1, с. 6].

Изучением знаний в языке и воплощением этих знаний в форме языковых знаков занимаются когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации»¹. Исходя из этого, центральным вопросом в когнитивной лингвистике считается «категория

¹ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 53.

знания, проблема видов знания и способов их языкового представления, так как именно язык является основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания» [2, с. 8].

Анализ концепта осуществлялся в рамках теории ментальности. Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка (В. В. Колесов). Теория ментальности внедряется в научную практику разных дисциплин, в том числе и в когнитивную лингвистику. Как отмечает В. В. Колесов, «ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах языка» [3, с. 148], «ментальные "архетипы" складываются исторически, идеал ментальности – не сиюминутная идея социального наполнения. Трудно судить о чужой ментальности, не укореняясь, например, в духовном пространстве данного языка» [4, с. 14–15]. Культура при этом может рассматриваться как наивысший уровень проявления языка, а точкой взаимодействия, пересечения языкового и культурного уровней становится текст [5].

Постановка проблемы. Милитарные концепты только начинают привлекать внимание исследователей. Существует ряд работ, посвященных изучению военной лексики [6–19]. Однако эти работы носят фрагментарный характер. Эта область постепенно открывается и для лингвистов-когнитологов. Цель исследования – обобщить полученные результаты по выявлению когнитивных признаков концепта *воин* в русской языковой картине мира.

Объектом исследования в данной работе выступают когнитивные признаки концепта *воин*, формирующие его структуру. В настоящем исследовании рабочим выступает следующее определение *концепта* – это «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [20, с. 17].

Использовались следующие *методы и приемы* исследования: количественный метод обработки данных, методы лексикографического, этимологического, контекстуального анализа лексики; метод концептуального анализа.

Лингвокультурология – одно из самых перспективных направлений современной науки о языке [21–32]. В рамках этого направления изучаются концепты лингвокультуры. Концептуальные исследования помогают выявить специфику национальной лингвокультуры и языковой картины мира [33–45]. В современной науке о языке отсутствуют работы, посвященные лингвокультурологическому исследованию концепта *воин*. В этом состоит *научная новизна* проведенного исследования.

Материалом для исследования послужили конструкции с включенным репрезентантом концепта *воин* из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², а также данные различных словарей, в том числе из словарей русского языка и Словаря эпитетов³. Под конструкциями понимаются словосочетания и предложения с включенным репрезентантом концепта *воин* (всего 3953 конструкции).

Результаты

Как пишет в своём словаре М. Фасмер, слово *воин* происходит от праславянского *vojь-. От этого корня произошли в том числе: др.-русск. *воинь* (мн. ч. *вои*), ст.-слав. *воинь* (др.-греч. *στρατιώτης*), русск. *воин*, *войка*, укр. *воїн*, *вояк*, болг. *войник* «солдат», сербохорв. *војник*, словенск. *vojník*, чешск., словацк. *vojín*, *voják*. Русские (славянские) воины шли на битву с боевым кличем «Ура!». Возможно, именно воинский клич, крик на поле боя, боевой возглас стал тем самым «бросающимся в глаза» признаком – внутренней формой слова *воин*. Громкие звуки использовались на войне в качестве психологического воздействия на врага. Раскатистое «Ура!» наводило на врага ужас.

На охоте встречаются разные типы кличей. В любом случае охотники используют голос и грозные выкрики для загона дичи (*Толпа улюлюкала, как на охоте на волка*. Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922)). Дичь охотники загоняют до сих пор, в том числе с помощью разных звуков – криков людей, лая собак (*Николай, его стремянной, дядюшка и его охотник вертелись над зверем, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слезть, когда волк садился на зад и всякий раз пускаясь вперед, когда волк встряхивался и подвигался к засеке, которая должна была спасти его*. Толстой Л. Н. *Война и мир*).

Другая ступень чередования: в ст.-слав. *повинѣти* «покорить». Война шла за земли (*Считается, что именно Чингисхан и его воины принесли с собой это умение на покоренные земли, хотя само искусство дистилляции зародилось в арабском мире, предположительно в Ираке*. Форум 2012: Самогон из молока), территории.

Слово *воин* родственно лит. *vejù, vùti* «гнать(ся), преследовать» (*vajóti* импф.), др.-инд. *vēti* «преследует, стремится к», авест. *vayēiti* «гонит, преследует», лат. *venor, -āri* «охотиться», др.-исл. *veidr* «охота», др.-в.-нем. *weida* «охота», греч. *ἔμαι* «стремлюсь, желаю», ирл. *fiad* «дичь»⁴.

Когнитивные признаки, выявленные на основе словарных данных, показывают, что внутренняя форма слова *воин* восходит к признакам *охота, желание, цель*. Первоначально, видимо, *воин* – это тот, кто охотится за добычей. Признак *охота* у анализируемого концепта встречается до сих пор (*И если тургеневская охота есть школа поэтических открытий, то народная охота с гончей, как она*

² НКРЯ. Режим доступа: <http://www.ruscorpota.ru/new/> (дата обращения: 25.02.2019).

³ Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 224 с.

⁴ Воин // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2040.htm> (дата обращения: 04.06.2017).

у нас существует повсюду, **есть школа воинов с простой, открытой душой**. Пришвин М. М. Моим молодым друзьям). В русском языке слово *охота* имеет дополнительное значение *желание, стремление*. В одном контексте реализуется ряд мотивирующих признаков: охота, цель и желание (**Охотники и купцы, мореплаватели и воины готовы были, не задумываясь, пуститься в путь на сотни, а то и тысячи километров – лишь бы добиться желанной цели**). Волков А. Давайте полетаем).

И. И. Срезневский указывает, что слово *воин* – древнерусское. Уже с XI в. отмечено все словообразовательное гнездо этого слова: *воинъ, воинскъ, воинский, воинный, воинство*⁵. Он приводит примеры, где *вой* (в ед. ч.) – существительное в значении *войско, рать*. В современном русском языке это значение актуально и ныне (**Воины Культуры, Герои Культуры, вы составите непобедимое воинство**). Рерих Н. Листы дневника).

Как отмечают С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова в Толковом словаре русского языка: «ВОИН, -а, м. (высок.). Человек, к-рый служит в армии, воюет, тот, кто сражается с врагом. Воины-освободители. Один в поле не в. (посл.)»⁶. В Толковом словаре русского языка, изданном под редакцией Д. Н. Ушакова, к слову-репрезентанту исследуемого концепта приводится следующее определение: «ВОИН, а, м. Военный, солдат (поэт.). || Опытный в военном деле; обладающий воинскими качествами (книжн.). В сражении он показал себя истинным воином»⁷.

Языковой материал из НКРЯ позволил выявить еще 14 дополнительных понятийных признаков, не отмеченных в толковых словарях русского языка:

1) ратник / оборонитель / тот, кто воюет (Этим объясняется и неканоническое решение *Сергия отправить вместе с князем на битву двух монахов своей обители, бывших ратников – воинов Александра (Пересвета) и Андрея (Ослябя)*). Краснова В. Поборник Троицы);

2) герой (*Бабушка писала про героические атаки советских воинов*. Трауб М. Плохая мать);

3) защитник (22 февраля мероприятия начались с церемонии возложения венков и цветов к монументу **воинам – защитникам Старой Руссы**. Память о земляках // Новгородские ведомости. 2013);

4) храбрец / смелый человек (*О, мои воины! Мои храбрые воины!* Чарская Л. А. Галина правда);

5) победитель (*А вот без них не сможет воевать даже и советский непобедимый воин*. Астафьев В. Обертон);

6) оруженосец (*Когда он брал в руки инструмент и из миловидно-невзрачного юноши превращался в музыканта по той самой формуле, которая человека и лошадь*

обращает во всадника, мужчину и оружие в воина: когда сумма человеческого и нечеловеческого превышает значение каждого в отдельности. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого);

7) мужественный / доблестный (человек) (*Чтобы воин имел мужество стать навстречу морю огня, грудью защитить других, он должен быть очень сильным духовно*. Служения и встречи Святейшего Патриарха Кирилла // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 1; *Это были его оценки, жалкая горстка преданных доблестных воинов в окружении трусов и предателей*. Павлов О. О. Асистолия);

8) пример для подражания (*Они совершали духовные подвиги солдата, своим личным примером увлекая воинов в бой!* Лебедев С. Л. С крестом – на линии огня);

9) ответственный (человек) (*Кража пуль объясняется небрежностью администрации и возлагается всецело на ответственность воина – генерала Андрэ*. Иностранное известие // Русский листок. 1902);

10) целеустремленный (человек) (*Что у воина на вооружении. Как ему увидеть цель? Увидеть цель?* // Юный техник. 2013);

11) отдающий долг стране (*Вы, вместе с воинами Красной Армии, до конца исполнили свой долг, разгромили агрессора, вернули народам Европы мир и свободу*. Путин В. В. Послание ветеранам государств – союзников по антигитлеровской коалиции);

12) готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг (*О преемственности поколений, доблести новгородских мужей времён Александра Невского и подвигах воинов Великой Отечественной войны напомнил присутствующим и Игорь Верходанов, заместитель губернатора Новгородской области*. Славина Н. Служба будет лёгкой);

13) участник войны (*Вчера в Военно-историческом музее Восточного военного округа в Хабаровске состоялось торжественное открытие новой экспозиции, посвященной подвигу воинов-дальневосточников, принимавших участие в военном конфликте на острове Даманский в марте 1969-го*. Храмчихин А. А. Партнеры-победители);

14) патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу) (*Я бы желал надеяться, что Ваше Превосходительство проявите себя не только выдающимся воином, но и великим патриотом*. Деникин А. И. Очерки русской смуты).

Как показал анализ когнитивных признаков, они обусловлены стереотипами, закрепленными в русской лингвокультуре. В первую очередь, речь идёт о гендерных (маскулинных) и исторических стереотипах. Стереотип в данном исследовании понимается «как готовая схема восприятия – относительно устойчивый и упрощенный

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесн. Им. АН, 1893. Т. 1. А–К. С. 285–287.

⁶ Воин // Ожегов С. И., Шведова Н. В. Словарь русского языка. Режим доступа: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/voин/?q=742&n=167126> (дата обращения: 08.10.2018).

⁷ Воин // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1995. Т. 1. А–К. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 25.02.2019).

образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т. п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе» [26, с. 114].

Русская языковая картина мира подходит к вопросу о возможности женщин участвовать в войне, опираясь, прежде всего, на опыт, связанный с историей русского народа. Данные показывают, что воины – это мужчины, на что прямо указывают 64 % актуализаций соответствующих маскулиных признаков. Женщины принимали участие в сражениях, есть такие примеры в истории не только России, но и других стран (36 % актуализаций в языковом материале).

Существуют стереотипы, связанные с внешним обликом воина, среди которых военная выправка (*рослый, статный*), физическая сила и мощь (*дюжий, могучий, мускулистый, крепкий, плечистый, стройный, низкорослый, коренастый, широкоплечий*), напористость и жесткость в поведении (*безжалостный, беспощадный, грозный, неукротимый, суровый, хладнокровный*). Все эти черты могут носить врожденный характер (*прирожденный воин*).

Со стереотипами связаны и боевые качества воина – смелость, отвага, храбрость, непобедимость, бесстрашие. Воин может быть *бесстрашный, храбрый, доблестный, мужественный, непобедимый, отважный, смелый, храбрый* (Зная, что едва ли вонмут его разумным словам **отважные воины**, не очень доверяясь рассудку, майор Котлов велел назначить патрулей с красными повязками на рукавах. Астафьев В. Обертон).

Из НКРЯ были взяты примеры, где со словом *воин* употребляются сопутствующие гендерные признаки мужской или женской. Обычно воин – это мужчина (*Делает его – воином, охотником, мужчиной!* Довлатов С. Д. Иная жизнь; *Все они исчезли, – говорил наш гид, – мужчины, которые были смелыми воинами, женщины, дети, верблюды*. Подцероб А. Б. Петроглифы ливийской Сахары). Этот стереотип заложен в нашем сознании (*Они охраняли имущество, скот, жилища, когда мужчины-воины уходили в военные походы или в длительные сезонные перекочевки со скотом*. Гуляев В. И. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия).

История русского языка показывает существование отдельного слова, служившего для обозначения воинов Древней Руси – *богатырь*. По словарю Т. Ф. Ефремовой: «богатырь м. 1. Герой русских былин и сказок. 2. Защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удалью. 3. Рослый, крепкого сложения, сильный человек. 4. перен. Незаурядный, выдающийся в какой-л. области человек»⁸. Здесь мы видим процесс десемантизации слова, где первичный признак «Защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удалью»

был вытеснен на вторую позицию относительно признака «Герой русских былин и сказок».

Существует лингвистическая литература, посвященная образу богатырей в русском героическом эпосе [6; 13; 27; 28, с. 239–325]. Подчеркнем еще раз: богатыри в русской лингвокультуре – это, прежде всего, воины (*Наши сны о богатырях, которых мы ждем и надеемся, что они вернутся и сделают Россию могучей, непобедимой державой! – Слава русским воинам! – закричали с трибуны*. Денисова С. Богатыри и цензура).

Богатырский эпос представлен тремя блоками:

- 1) сказочные богатыри: Горыня, Дубыня, Иван Гостинный сын, Медведко, Сосна-богатырь, Усыня;
- 2) легендарные персонажи: Кий, Вольга Святославович, Дунай Иванович, Святогор, Георгий Победоносец;
- 3) былинные богатыри IX–XIII вв.: Алеша Попович / Алёшенька Попович млад, (Александр) Пересвет, Василий Казимирович, Горденко Блудович, Добрыня Никитич / Добрынюшка Никитич млад, Дунай Иванович, Евпатий Коловрат, Илья Муромец / матерый Илья / Илья из Муромы / старый Илья Муромец Иванович, Микула Селянинович, Михаил Потык Иванович / Михайло Потык, Никита Кожемяка, Родион Ослябя, Самсон Самойлович / Василий Буслаевич, Ставр Годинович.

Как показывает проведенное нами исследование, в русском эпосе сохранились имена не трёх, а как минимум 25 богатырей. Возможно, если расширить границы языкового материала, их количество увеличится. Статистика показывает, что в языковом материале высокая частотность свойственна таким именам богатырей, как Илья Муромец (30,3 %), Добрыня Никитич (13,2 %), Георгий Победоносец (10,7 %), Алеша Попович (9,4 %), Святогор (5,5 %), Микула Селянинович (4 %).

В языковом материале были упомянуты не все богатыри: не встретились имена таких богатырей, как Сосна-богатырь и Самсон Самойлович. Некоторые богатыри имеют вариативно выраженные имена: Илья Муромец / матерый Илья / Илья из Муромы / старый Илья Муромец Иванович, Алеша Попович / Алёшенька Попович млад, Добрыня Никитич / Добрынюшка Никитич млад.

Обширную группу образуют символические признаки. Самыми частотными выступают следующие: (воинские) части (20 %), памятники (обелиски и колонны) (15 %), знамя (стяг) (12,8 %), награды (ордена и медали, оружие) (11,2 %), города-герои (10,6 %), боги и святые (7,4 %), поле (6 %), вечный огонь (5 %), (братские) могилы воинов (4 %), храм (2,8 %). Средняя частотность характерна для признаков *иконы* (1,2 %) и *песни и марши* (1 %), Низкая частотность отличает такие символические признаки, как ветераны войны (0,8 %), (воинские) ритуалы (0,8 %), герб (0,8 %), Георгий Победоносец (0,6 %).

⁸ Богатырь // Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. М.: АСТ, 2010. Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/bogatyr.html#.XZaxXEYzaM8> (дата обращения: 25.02.2019).

Языковой материал показал наличие 16 символических признаков концепта *воин*: боги и святые, (братские) могилы воинов, ветераны войны, вечный огонь, (воинские) ритуалы, (воинские) части, знамя (стяг), Георгий Победоносец, герб, города-герои, иконы, награды (ордена и медали, оружие), памятники (obelisks и колонны), песни и марши, поле, статус Город-герой, храм.

Русская национальная символика тесно связана с духовной составляющей защиты Родины. К символическим признакам относится целый комплекс когнитивных признаков, связанных с религией: боги и святые, иконы, храм, в совокупности представляющих 11,8 % от общего количества примеров с символическими признаками.

Выводы

На основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей выделены следующие 7 мотивирующие признаки концепта *воин*: (боевой) клич, войско / рать, покорение, охота, желание / стремление, цель, целеустремленность.

На основании семного анализа словарных дефиниций основного репрезентанта анализируемого концепта выделено 6 понятийных признаков: военный, освободитель, боец, (военно)служащий, солдат, (опытный) в военном деле. В языковом материале обнаружено 14 понятийных признаков, отсутствующих в словарях: ратник / оборонитель / тот, кто воюет, герой, защитник, храбрец / смелый человек, победитель, оруженосец, мужественный / доблестный

(человек), пример для подражания, ответственный (человек), целеустремленный (человек), отдающий долг стране, готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг, участник войны, патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу). Как показал анализ языкового материала, не все понятийные признаки указываются в толковых словарях современного русского языка.

Образные признаки обусловлены стереотипами русской лингвокультуры. Воин в русской лингвокультуре – это, прежде всего, смелый и отважный мужчина, в истории мы его видим как богатыря – защитника земли русской. Как показывают полученные данные материала из НКРЯ, в русской языковой картине мира выделено 16 символических признаков. Они связаны с символами страны (герб, флаг), с памятью о героях-защитниках (памятник, песни, марши, братские могилы и под.), с местами боевой славы (города и крепости-герои, поля боев). Русский народ помнит и чтит память своих предков, защищавших своё Отечество в битвах.

В статье обобщены когнитивные признаки, формирующие структуру концепта *воин*. Перспективами дальнейшего изучения может быть исследование таких милитарных концептов, как, например, *армия, солдат, генерал, полковник, воевода, богатырь*, и их соответствий в иных лингвокультурах как в русском, так и в других языках. Следует оговорить тот факт, что некоторые из указанных концептов являются лакунарными для некоторых языковых картин мира: *воевода, богатырь*.

Литература

1. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2001. 304 с.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2008. 296 с.
3. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
4. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Языки и этнический менталитет. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
5. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способы представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–112.
6. Багаутдинова Г. Н. Традиционная военная лексика башкирского языка: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001. 178 с.
7. Бодриков А. Б. Лингвокультурологическое исследование концепта *воин* в аудитории военного технического вуза // Ученые записки ЗабГУ. 2018. Т. 13. № 2. С. 57–64.
8. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб.: Тип. Имп. АН, 1887. С. 1–215.
9. Венедиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 180 с.
10. Волкова С. Б. Концепт «military service» и его составляющие в художественном дискурсе // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 39. С. 87–94.
11. Гребеньков В. Н. Тенденции эволюции военной культуры современного российского общества // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. № 45. С. 118–124.
12. Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 293 с.
13. Пименова М. В. Богатырши в русских народных сказках // Виноградов В. А., Воркачев С. Г., Карасик В. И., Колесов В. В., Маслова В. А., Пименова М. В., Теркулов В. И. Лингвистика начала XXI века. СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. С. 174–204.
14. Третьякова Л. Н. Военный концепт «Шинель» в языковой картине мира русского человека // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 56–59.
15. Третьякова Л. Н. Эволюция военной концептосферы в поэзии М. В. Ломоносова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 14–17.

16. Уланов А. В. Формирование и функционирование военной лексики в русском языке XVII–XVIII веков (на материале столичной и региональной деловой письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 25 с.
17. Фахрутдинова Д. Р. Системно-сопоставительное исследование терминологии войсковой противовоздушной обороны английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. 24 с.
18. Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 259–266.
19. Юсупова А. Ш. Военная лексика в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Казань: Казанск. гос. ун-т, 2006. С. 274–277.
20. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
21. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
22. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
23. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с.
24. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.
25. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
26. Пименова М. В. Смена стереотипов в русской лингвокультуре // Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. 3-е изд., доп. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 109–114.
27. Пименова М. В. Стереотипы о богатырях и рыцарях сквозь призму русской ментальности // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования / отв. сост. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. Талдыкорган-СПб.-Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. С. 10–15.
28. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. М.: Инфра-М, 2018. 355 с.
29. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (К проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25–37.
30. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры / ред. М. Б. Ешич, Я. Корженский, Г. П. Нешименко, Л. Б. Никольский, Е. Ф. Тарасов, Ю. Е. Стемковская. М.: Наука, 2000. С. 45–54.
31. Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: мат-лы II Междунар. конф. (Тамбов, 12–14 мая 1999 г.) / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Ч. 3. С. 14–15.
32. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2004. 201 с.
33. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
34. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
35. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: КомКнига, 2003. 544 с.
36. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
37. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 5–18.
38. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 554 с.
39. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
40. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
41. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
42. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
43. Croft W., Cruse A. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
44. Fauconnier G. Meanings in thought and language. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. XI+205 p.
45. Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. N. Y.: Basic Books, 2002. 464 p.

Military Concepts in the Russian Linguistic World Image (as in the case of "Warrior" Concept)

Marina V. Pimenova^a; Alexei B. Bodrikov^{b, @}

^a Institute of Foreign Languages, 13, Line 12 V. O., St. Petersburg, Russia, 191178

^b Military Institute (Engineering and Technical) of General A. V. Khrulev Military Academy of Material and Technical Support, 22, Zakhariyevskaya St., St. Petersburg, Russia, 191123

@ 79261454613@yandex.ru

Received 27.03.2019. Accepted 18.09.2019.

Abstract: The article features the cognitive signs of the warrior concept. The main representation of the concept is stylistically marked. The word warrior is often used in elevated style. In Russian culture, the army has always been a special estate that protects the people and the Russian lands. The concept warrior proved to have some structural peculiarities. It includes seven motivating signs in the structure of the concept: (battle) cry, army, conquest, hunting, desire / aspiration, target, dedication. Only four of them transformed with time and moved into the category of conceptual signs: army → warrior / defender / one who is fighting; desire / aspiration + goal + dedication → purposeful (person). The second group of the structure is formed by twenty conceptual signs: military, liberator, fighter, (military) employee, soldier, (experienced) in military affairs, warrior / defender / the one who fights, hero, protector, brave man, winner, squire, courageous / valiant (man), role model / example for imitation, responsible (man), purposeful (person), giving a debt to the country, ready for self-sacrifice / accomplishing a feat, participant in the war, patriot / devotee / loyal (Motherland / Fatherland / people). These cognitive characteristics show a wide range of functional manifestations of modern representations of military occupation. The special group includes figurative stereotypical and gender signs, since a warrior has always been a male hero in Russian linguistic culture. The stereotypes of Russian linguistic culture are connected with the military past of our people, with its heroic epos, tales, and legends. Symbolic signs make up a separate group. The structure of the studied concept includes sixteen symbolic signs, which are also connected with the history of the Russian people with its numerous wars and victories: gods and saints, (fraternal) graves of warriors, war veterans, eternal flame, (military) rituals, (military) units, banner, George the Victorious, coat of arms, hero cities, icons, awards (orders and medals, weapons), monuments (obelisks and columns), songs and marches, field, status Hero-city, temple.

Keywords: cognitive linguistics, cultural linguistics, cognitive signs of the concept warrior, mentality

For citation: Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Military Concepts in the Russian Linguistic World Image (as in the case of "Warrior" Concept). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1131–1138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138>

References

1. Kolesov V. V. *Ancient Russia: a legacy in the word. Good and evil*. St. Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2001, 304. (In Russ.)
2. Maslova V. A. *Introduction to cognitive linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka, 2008, 296. (In Russ.)
3. Kolesov V. V. "Life comes from the word ...". St. Petersburg: Zlatoust, 1999, 368. (In Russ.)
4. Kolesov V. V. Mental characteristics of the Russian word in the language and philosophical intuition. *Languages and ethnic mentality*. Petrozavodsk: PGU, 1995, 13–24. (In Russ.)
5. Pochepcov O. G. Linguistic mentality: ways of representing the world. *Voprosy iazykoznanii*, 1990, (6): 110–112. (In Russ.)
6. Bagautdinova G. N. *Traditional military vocabulary of the Bashkir language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2001, 178. (In Russ.)
7. Bodrikov A. B. Linguistic and cultural study of the voyn (warrior) concept in the military technical institute. *Scientific Notes of ZabSU*, 2018, 13(2): 57–64. (In Russ.)
8. Buslaev F. I. *Folk poetry*. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, 1887, 1–215. (In Russ.)
9. Venediktova L. N. *The concept of "war" in the linguistic picture of the world (a comparative study on the material of the English and Russian languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tyumen, 2004, 180. (In Russ.)
10. Volkova S. B. The concept of "military service" and its components in art discourse. *Language, consciousness, communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I., Kulpina V. G. Moscow: MAKSS Press, 2009, iss. 39, 87–94. (In Russ.)
11. Grebenkov V. N. Trends in the evolution of military culture of the modern Russian society. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 2006, (45): 118–124. (In Russ.)
12. Loseva-Bakhtiyarova T. V. *Military vocabulary of Turkic languages (names of weapons)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 293. (In Russ.)

13. Pimenova M. V. Heroes in Russian folk tales. Vinogradov V. A., Vorkachev S. G., Karasik V. I., Kolesov V. V., Maslova V. A., Pimenova M. V., Terkulov V. I. *Linguistics of the beginning of the XXI century*. St. Petersburg: VI ZHDV i VOSO, 2015, 174–204. (In Russ.)
14. Tretyakova L. N. Military concept of "overcoat" in Russian linguistic world view. *Mir russkogo slova*, 2013, (1): 56–59. (In Russ.)
15. Tretyakova L. N. Evolution of military concept sphere in poetry of M. V. Lomonosov. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2014, (2): 14–17. (In Russ.)
16. Ulanov A. V. *The formation and functioning of military vocabulary in the Russian language of the XVII–XVIII centuries (based on the material of the capital and regional business writing)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnoyarsk, 2008, 25. (In Russ.)
17. Fakrutdinova D. R. *System-comparative study of the terminology of military air defense of the English and Russian languages*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 1999, 24. (In Russ.)
18. Fakhrutdinova D. R. Structuring the genre space of military institutional discourse. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, (2): 259–266. (In Russ.)
19. Yusupova A. Sh. Military vocabulary in the Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries of the XIX century. *Actual problems of the natural sciences and humanities*. Kazan: Kazansk. gos. un-t, 2006, 274–277. (In Russ.)
20. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
21. Vorkachev S. G. Linguaculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 2001, (1): 64–72. (In Russ.)
22. Vorobiev V. V. *Linguoculturology: theory and methods*. Moscow: Izd-vo Ross. un-ta druzhby narodov, 1997, 331. (In Russ.)
23. Maslova V. A. *Introduction to Linguaculturology*. Moscow: Nasledie, 1997, 207. (In Russ.)
24. Maslova V. A. *Linguaculture*. Moscow: Akademiia, 2004, 208. (In Russ.)
25. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)
26. Pimenova M. V. Change of stereotypes in Russian linguistic culture. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Linguistic foundations of Russian mentality*, 3rd ed. St. Petersburg: SPbGU, 2011, 109–114. (In Russ.)
27. Pimenova M. V. Stereotypes about heroes and knights through the prism of the Russian mentality. *Cognitive linguistics and conceptual studies*, eds. Momynova B. K., Pimenova M. V. Taldykorgan-St. Petersburg-Kemerovo: ZhGU, KemGU, 2015, 10–15. (In Russ.)
28. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of Russian fairy tales*. Moscow: Infra-M, 2018, 355. (In Russ.)
29. Postovalova V. I. Linguoculturology in the light of the anthropological paradigm (as exemplified by the problem of the foundations and boundaries of modern phraseology). *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 25–37. (In Russ.)
30. Tarasov E. F. Language as a means of cultural translation. *Language as a means of cultural translation*, eds. Eshich M. B., Korzhensky Y., Neshchimenko G. P., Nikolsky L. B., Tarasov E. F., Stenkovskaya Yu. E. Moscow: Nauka, 2000, 45–54. (In Russ.)
31. Teliya V. N. The main postulates of linguaculturology. *Philology and culture: Proc. II Intern. Conf.*, Tambov, May 12–14, 1999, ed. Boldyrev N. N. Tambov: Izd-vo TGU, 1999, part 3, 14–15. (In Russ.)
32. Khrolenko A. T. *Fundamentals of linguaculturology*. Moscow: Flinta; Nauka, 2004, 201. (In Russ.)
33. Wierzbicka A. *Understanding cultures through keywords*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001, 288. (In Russ.)
34. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture: Linguistic and regional studies in the teaching of Russian as a foreign language*, 4th ed. Moscow: Rus. iaz., 1990, 246. (In Russ.)
35. Gachev G. D. *The mentality of the peoples of the world*. Moscow: KomKniga, 2003, 544. (In Russ.)
36. Humboldt W. von. *Language and philosophy of the culture*. Moscow: Progress, 1985, 451. (In Russ.)
37. Zalevskaya A. A. The concept as the property of the individual. *Psycholinguistic research: word and text*. Tver: Tver. gos. un-t, 2002, 5–18. (In Russ.)
38. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005, 554. (In Russ.)
39. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
40. Karasik V. I. *Language keys*. Volgograd: Paradigma, 2007, 520. (In Russ.)
41. Karasik V. I. *Language matrix of culture*. Moscow: Gnozis, 2013, 320. (In Russ.)
42. Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress, 1993, 656. (In Russ.)
43. Croft W., Cruse A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 356.
44. Fauconnier G. *Meanings in thought and language*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997, XI+205.
45. Fauconnier G., Turner M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. N. Y.: Basic Books, 2002, 464.